

суб'ектная арганізацыя прозы І. Сіна падуладная адной мэце: паўплываць на рэцыпіента такім чынам, каб ён маральна вызваліўся і вызваліў свае падсвядомыя жаданні, заганы і паталогіі, сублімаваныя пісьменнікам у мастацкіх тэкстах.

Спіс літаратуры

- 1 Корман, Б. О. Практикум по изучению художественного произведения : учеб. пособие / Б. О. Корман. – Ижевск : Удмуртский государственный университет им. 50-летия СССР, 1977. – 70 с.
- 2 Сін, І. Нуль / І. Сін. – СПб : ООО “Невский простор”, 2002. – 108 с.
- 3 Мурзак, И. И. Типология литературного субъекта / Введение в литературоведение // Н. Л. Вершинина, Е. В. Волкова, А. А. Илюшин и др.: под общ. ред. Л. М. Крупчанова. – М. : Издательство Оникс, 2005. – 416 с.
- 4 Бязлепкіна, А. П. Трансгрэсія ў сучаснай беларускай літаратуры і нацыянальная традыцыя / А. П. Бязлепкіна // Русская и белорусская литературы на рубеже XX–XXI вв. : сб. науч. статей: в 2 ч. Ч. 1 / редкол.: С. Я. Гончарова-Грабовская (отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2007. – С. 123–126.
- 5 Сін, І. Белетрыстыка / І. Сін. – Мінск : Макулатура, 2014. – 77 с.
- 6 Сін, І. Тэатральныя дэмані: тэксты / І. Сін. – Мінск : Галіяфы, 2010. – 176 с.

УДК 821.161.1'06-1

Н. В. СУСЛОВА

(г. Гомель, ГДУ імя Ф. Скарыны)

ФЕНОМЕН ПОЭЗИИ «ПРЯМОГО ДЕЙСТВИЯ» В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ НОВЕЙШЕГО ПЕРИОДА

В статье выдвигается и обосновывается научная гипотеза, согласно которой наиболее актуальным явлением в современной литературе является поэзия «прямого действия». Стратегия поэзии «прямого действия», демонстрирующая сращение факта искусства и факта действительности и их взаимоопосредованность в пространстве сегодняшнего дня, заключается в «обнулении» традиции с целью высвобождения внутренней энергии мифа путем избавления от «паутины слов», опутавшей константы человеческого бытия. В результате квазихаос должен быть вытеснен хаосом, дающим человечеству возможность попытки обретения обновленного космоса.

Справедливо, надеюсь, полагая, что разъяснить содержание тезиса «мир есть текст», знаменовавшего начало семиотической эпохи и концептуализировавшего ее бытование на протяжении более чем полувекового отрезка, значит «множить сущности без надобности», отмечу, что на современном этапе мы являемся свидетелями и участниками процесса его (тезиса) материализации. Основным фактором, инспирировавшим запуск и разворачивание этого процесса, является развитие глобальной сети, а также изменение условий доступа к ней в силу постоянного совершенствования интернет-технологий и соответствующих гаджетов.

В результате интернет-пространство сначала утрачивает статус некой альтернативной реальности, затем перестает восприниматься как специфически преломленное отражение образа мира и, наконец, становится неотъемлемой частью действительности. Частью, границы которой на сегодняшний день представляются размытыми настолько, что о сегментном включении интернет-пространства в пространство так называемой «первичной» реальности говорить уже не приходится. В самом деле, о каких границах и иерархиях можно говорить, если утренний кофе не считается выпитым до тех пор, пока изображение чашки с дымящимся напитком не опубликовано на Instagram, а ссылка на него не размещена в Facebook, Twitter, ВКонтакте, etc. Буквально каждый случай соприкосновения с очередной жизненной реалией мгновенно обретает знаковый статус, который фиксируется в сетевом пространстве, благодаря чему факт его включенности в мир-текст получает моментальное материальное подтверждение.

Сопутствующим эффектом этого процесса становится и материализация связей знака, включенного в состав некой знаковой системы, с другими знаками этой системы и знаками

других систем, произвольно или непроизвольно отреагировавших на пополнение в составе мира-текста. Бесконечная множественность подобных связей растворяет и без того условные границы между формами осуществления реальных действительности через информационные коды. Практически каждая составляющая современного мира-текста стремится к тому, чтобы ее можно было (до свидания, буддистские три обезьяны) записать-произнести/прочитать-услышать, увидеть в статике и динамике – одновременно или путем выбора наиболее предпочтительного в каждом конкретном случае канала для восприятия информации. Подобная особенность функционирования мира-текста не может не оказывать воздействия на специфику современной ситуации в искусстве и, в частности, в литературе.

На мой взгляд, над сегодняшними тенденциями в восточнославянской литературе не властно не только пушкинское «Не для житейского волнения, / Не для корысти, не для битв, / Мы рождены для вдохновения, / Для звуков сладких и молитв», но и «Искусство зависит от всего... Но от всего на свете оно склонно освободиться» Абрама Терца. В известной мере это объясняется тем, что период, выделяемый мною на шкале культурного развития в связи с формированием картины мира промежуточного типа, маркируемой определением «космос как хаос / хаос как космос», хронологически охватывающий «нулевые» – начало 2010-х годов, вероятно, все же завершился победой квазикосмоса, что привело к погружению реальности в состояние квазихаоса. В таком случае должен сработать культурный механизм преодоления патовой ситуации.

На данном этапе это представляется мне возможным, поскольку квазихаос разительно отличается по своим характеристикам от хаоса, который обживал человек эпохи постмодерн, впервые прекратив воспринимать его как враждебную инстанцию: хаос являет собой воплощение идеи мира как вечного становления, квазихаос – дурной бесконечности. Самым действенным способом противостояния квазихаосу и преодоления состояния дурной бесконечности со стороны искусства я считаю радикальный акт, направленный на «обнуление» сформировавшейся к настоящему времени традиции, поскольку только в таком случае могут сложиться приемлемые условия для реализации очередного варианта мифологического мышления, уже не единожды зарекомендовавшего себя как наиболее эффективный инструмент, позволяющий прочертить «на блюде студня / косые скулы океана». Иными словами, искусство должно вернуться в то состояние, когда изображенное воспринимается как тождественное изображаемому, а слово равно делу. Такое искусство попросту не может освободиться ни от чего, а погруженность в «житейские волнения» и «битвы» становится способом его реализации. Нынешняя же форма бытования мира-текста, о которой речь шла выше, всецело способствует этому.

Наиболее полным воплощением описанной тенденции в литературе, на мой взгляд, является так называемая поэзия «прямого действия», убедительно продемонстрировавшая свой потенциал уже в рамках пока еще тренировочно-разминочного проекта продюсера Андрея Васильева «Гражданин поэт», где стихотворения Дмитрия Быкова, написанные «на злобу дня», читал Михаил Ефремов. Настоящее же рождение поэзии «прямого действия» связано с текстом рок-поэзии новой генерации, самым значительным явлением в составе которой мне представляется феномен группы «BRUTTO», созданной в 2014 году лидером прекратившей свое существование панк-рок-группы «Ляпис Трубецкой» Сергеем Михалком.

С одной стороны, «BRUTTO» идеально иллюстрирует образ современного мира-текста. Границы между знаменитыми видео-обращениями Сергея Михалка и его заявлениями, сделанными во время реальных выступлений группы, фактически не существует – это сообщающиеся сосуды. Персонажи, населяющие BRUTT'альный мир, обретают плоть и кровь в подлинных биографиях участников коллектива, образы которых, в свою очередь, концептуализируются за счет имиджей персонажей, проработанных до логического предела путем визуализации в реальности созданных профессионалами, непрофессионалами, имеющими непосредственное отношение к коллективу, а также поклонниками-любителями клипов, являющихся синтезом более или менее условных изображений разного порядка и

документальной фото- и видеосъемки. Чуть ли не каждый новый текст группы прочитывается и почитателями, и хейтерами в контексте самых животрепещущих событий сегодняшнего дня, в связи с наиболее акцентированными явлениями картины современной действительности.

С другой стороны, динамика движения от «Ляписов» к «BRUTTO» четко демонстрирует обозначенные выше характеристики процесса культурного развития последних десятилетий: текст «Ляписа Трубецкого» был блестящим воплощением философии и эстетики карнавальской реальности позднего постмодерна до тех пор, пока животворящий хаос не обернулся мертвящим квазихаосом, в результате чего карнавал начал все более явственно перерождаться в маскарад, превращая великолепного шута в скучного клоуна. Так быть не должно. Поэтому – «Дети придут, а клоуна нет!» [1] На смену «Ляписам» явится «BRUTTO», на смену клоуну – воин. Результатом «обнуления» традиции станет текст-функция дебютного альбома/цикла «Underdog» (2014). «В “Ляписе”²³ мы пели о том, что нужно делать, кто враг, об ориентирах и, если хочешь, о стратегии борьбы. А “Brutto” – это уже подготовка воина, что ты должен сделать, чтобы выполнить миссию, техника, какими приемами ты должен владеть. Поэтому Brutto – это то, что необходимо сделать, чтобы выполнить то, о чем пел “Ляпис”» [2], – говорит Сергей Михалок.

Когда «BRUTTO» готовился к выпуску своего второго альбома, где планировал сделать нечто «такое, чтобы удивить самих себя» [2], я предполагала, что это будет новый виток в развитии эстетики поэзии «прямого действия», особенности которой можно попытаться предугадать, обратившись к логике разворачивания текста «BRUTTO» конца 2014–2015 года: «Adidas», «Будзь смелым», «Родны край», «Гарри», «Партизан-Рок», «Олимпия».

Запредельно брутальный «Adidas» выступает в качестве своеобразной кульминации в осуществлении стратегии «обнуления» традиции и в то же время подводит под нее черту. Код оформления доминантного смыслового посыла посредством табуированной лексики, многократно усиленный агрессивной энергией музыкального ритма и бьющей по глазам пульсацией прожигающего насквозь сетчатку глаза и напрямую впечатывающегося в мозг шрифта, использованного в минималистском видеоряде клипа, позволяет до упора реализовать идею отказа от слова в пользу действия. Демонстративно помещающий себя «по ту сторону» культуры «сложных хитросплетений» [3] «Adidas» расчищает площадку для нового прыжка в бездну хаоса, одновременно оформляя окончательное размежевание с теми, кто по-прежнему считает, что «в словах дело».

«Обнуление» традиции не предполагает репрессивных мер по отношению к ее составляющим: вслед за «Adidas» «BRUTTO» демонстрирует граду и миру свою музыкальную версию стихотворения Янки Купалы 1913 года «Будзь смелым!», соединяя его в одном сингле с новым вариантом культового текста «Ляписов» «Священный огонь». И в этом окружении купаловский текст выглядит вполне органично – это даже не контрапункт, а, скорее, унисон: «меньше слов!» – «Не вер у людскую брахню, / Вер толькі ў адвагу і сілу сваю!» – и тогда пребудет с тобой «священный огонь», согревающий в холод.

«Родны край», впервые опубликованный Сергеем Михалком на официальном канале в видеохостинге YouTube в формате любительского видео и анонсированный как поздравление с днем рождения сыну Макару, моментально был интерпретирован аудиторией как «*Rożegnanie Ojczyzny*» от знакомого по «Ляписам» «злodeя Сярогі», удостоился от ее части титула очередного неофициального гимна современной Беларуси и, что, на мой взгляд, не менее важно, продемонстрировал обновленный тип обращения с метафорой, формирующийся после «обнуления». Условно-фольклорная стилизация монолога лирического героя, без труда соотносимого с недавними фактами биографии Сергея Михалка, является неочевидной, но достаточно ясной отсылкой к мифологическому коду Прометея, что усиливает семантику упомянутого выше образа «священного огня». По утверждению Сергея Михалка, «сложные рифмы, мифология, Агамемноны, Беллерофонты» [2] – это те особенности поэтики текста «Ляписов», от которых «BRUTTO», воплощающий принцип «меньше слов», чувствует себя

²³ Имеются в виду тексты альбомов/циклов 2007–2013 гг. «Капитал», «Manifest», «Рабкор» и др.

свободным. Однако дематериализация словесно выраженной метафоры не исключает материализации энергетики мифа, что и происходит в тексте «Родны край», где «родны, родны, родны бусел /Дзюбае мяне ў вочы ды вусны» [3] не менее сильно, чем «Зевесов орел».

Самое частотное определение собственной реакции на очередной сингл «BRUTTO» «Гарри» в твитах, постах, комментариях и пр. – «комоч в горле». Стилизованный вариант народной шотландской песни, выполненный в традиционной эстетике селтик-панк, сверхорганично вписывается в современные реалии славянского мира, о чем свидетельствуют появляющиеся один за другим на YouTube неофициальные клипы. «Мы специально не расставляем акценты, кто по-нашему Гарри, а кто – Дикая Собака» [4], – говорят артисты. Этого делать и не нужно: внутренняя энергетика мифологизированного героического эпоса нисколько не гаснет и в том случае, когда его героем оказывается не какой-нибудь Уильям Уоллес Храброе Сердце, а «паренек» из «качалки», который «любил кричать кричалки за кружкой пива в баре» [3].

Внутренней энергии мифа в тексте «BRUTTO» оказывается так много, что она закономерно должна находить выход наружу, что и происходит в «Партизан-Рок» – воплощенном звучании «музыки революции», где осуществляется процесс высвобождения энергии хаоса – той здоровой и агрессивной стихийной силы, которая, согласно логике «BRUTTO», способна преодолеть квазихаос. А что будет потом? Возможно, ответ на этот вопрос содержится в тексте «Олимпии», победительные слова и великолепный видеоряд официального клипа которой являют прообраз обновленного космоса, рождающегося в вихрях хаоса.

Итак, мой прогноз был связан с идеей сотворения мира заново – путем не обживания, а, скорее, отвоевывания у хаоса жизненного пространства. Благо «человеческие модули», из которых, по утверждению Сергея Михалка, был создан «BRUTTO», позволяют осуществить подобную экспансию. Судите сами: Виталий Гурков («Огурец») – девятикратный чемпион Беларуси по тайскому боксу среди любителей и Чемпион мира по тайскому боксу среди профессионалов; широко известный в «околофутбольной» среде Сергей («Бразил») – на тренировке жмет от груди 140 килограммов... Дальше можно не продолжать. Правда, я полагала, что сотворение-завоевание мира будет происходить поэтапно и это определит четкую структурно-композиционную линию разворачивания текста «BRUTTO»: каждый следующий альбом – шаг вперед «по дымному следу отступающего врага». Однако я все-таки недооценила потенциал «человеческих идейных модулей».

Второй альбом группы «BRUTTO» «Родны край» концептуально воспроизводит знаковое действие, характерное для авангардного искусства начала прошлого века. Не случайно Сергей Михалок еще в эпоху «Ляписов» заявлял о приверженности эстетике неофутуризма. Футуристы же, устраивающие аутодафе полотнам Рафаэля, разрушающие музеи, растаптывающие «искусства цветы», сразу вслед за этими «великолепными кощунствами» стремились пересоздать реальность, не столько повторив жест Бога, сколько присвоив себе право божественного начала на возможность творить. Яркий пример этому – одно из самых известных стихотворений раннего Владимира Маяковского «А вы могли бы?», где в пространстве десяти строк поэт не только вызывает к жизни свет, создает небо и землю и отделяет воды от тверди, но и проводит мир от ветхозаветной его истории через эпоху христианской цивилизации до труб, играющих «ноктюрн» Апокалипсиса. Нечто подобное происходит и в мире текста второго альбома «BRUTTO» «Родны край».

Альбом открывает песня «Человек», в тексте которой четко задан синтетический тео- и космогонический код рождающегося из хаоса обновленного мира. Кодовые линии замыкаются на фигуре Человека, воплощающего идею единства земного и небесного, божественного и человеческого, природного и культурного.

Следующий шаг – овладение территорией истории. Той самой истории, которой не существует – которая есть лишь совокупность более или менее конфликтующих друг с другом постоянно изменяющихся интерпретаций, несущих в себе зародыш конца истории. Именно конец истории становится семантическим ядром текста Сергея Михалка «Родны

край». Абсолютно карнавальная по сути (только без разрушительной силы карнавального смеха, который к настоящему времени оказался выхолощенным до предела) стратегия демонстрации разрушения традиционных связей: между родиной и ее сыном, между родом и его представителем, между природой и человеком, как неотъемлемой ее частью, – гарант возможности не восстановления, а создания этих связей заново, преодоления безумия обветшавшего строя, столько веков петлявшего по виткам спирали истории, что оказавшегося уже не в состоянии квалифицировать это движение как вариант дурной бесконечности. И поэтому:

Родны, родны, родны край,
Я табе враг – мяне не чакай.
Родны, родны, родны брат,
Бойся меня – я злодзей ды кат!<...>

Родны, родны, родны бусел,
Дзюбай мяне ў вочы ды вусны.
Родны, родны, родны вецер,
Гані мяне прэч – я попел ды смецце [3].

И в таком случае появляется шанс разорвать наконец-то удушающий «родны ланцуг».

Витки дурной бесконечности четко проявляют себя и в михалковской «Черной сотне», накладывающей друг на друга моментальные снимки событий разных эпох, словно сделанные под один трафарет, и в «Moscow calling» с ее ставшей уже традиционной апокалиптикой.

Но, поскольку – «I have no fear» – текст «Роднага края» «BRUTTO» взрывается далее музыкальной версией стихотворения Янки Купалы 1913 года «Будзь смелым!», с его страстным призывом: «Не вер у людскую брахню, / Вер толькі ў адвагу і сілу сваю!», которое, в свою очередь, становится прологом к уже обретенному статусу культового «Гарри» и «Партизан-рок».

Энергетика «Гарри» действительно находит выход наружу в «Партизан-Рок», позволяя возродиться во всей своей грозной мощи превратившимся со временем в попсовые иконы-постеры богам прежних эпох, чтобы вести за собой в бой «воинов света»:

Приказ, Эрнесто!
Приказ, Эрнесто!

Клевер Патрика и молот Тора,
Разгонись, разбей черепом гору.
Цвет рубина – твоя эмблема,
В свете нет неразрешимой проблемы [3]. («Приказ Эрнесто»).

И вновь – это ситуация разрушения ради созидания: «Строй город Солнцеград, пой гордые куплеты! / В дар людям город, брат, – город мастеров, певцов, поэтов» [3] («Просперо»)

Финал поэтического цикла Сергея Михалка «Родны край» – текст «Реввоенсовет» – исключительно точно оформлен в виде своего рода резолюции – черты, подводящей итог под прошлым, границы, от которой начнет свое движение будущее:

Здравствуй, Солнце!
Здравствуй, рассвет!
И бедной жизни – твёрдое «нет!»
[План Чижа] возьмём в объятия;
Мир и радость – сёстрам и братьям [1].

Таким образом, «Родный край» демонстрирует вариант обновленной эстетики неофутуризма, характерной для заключительного периода творчества Сергея Михалка эпохи группы «Ляпис Трубецкой», направленной на созидание новой реальности здесь и сейчас.

Итак, стратегия поэзии «прямого действия», демонстрирующей сращение факта искусства и факта действительности и их взаимоопосредованность в пространстве сегодняшнего дня, заключается в «обнулении» традиции с целью высвобождения внутренней энергии мифа путем избавления от «паутины слов», опутавшей то, что представляет собой константы человеческого бытия. В результате квазихаос должен быть вытеснен хаосом, дающим человечеству возможность попытки обретения обновленного космоса.

Список литературы

1 Все тексты песен (слова) группы Ляпис Трубецкой / Популярные тексты песен (слова) на GL5.RU. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.gl5.ru/lyapis_trubeckoi.html – Дата доступа: 18.05.2015.

2 Шеремет, П. Сергей Михалок: Украинцы готовы больше брать ответственность за свою жизнь, чем россияне и белорусы / П. Шеремет // Украинская правда [Электронный ресурс]. – 2015. – 15 мая. – Режим доступа: <http://www.pravda.com.ua/rus/articles/2015/05/15/7068015/?attempt=1> – Дата доступа: 18.05.2015.

3 Тексты песен (слова) BRUTTO / Популярные тексты песен (слова) на GL5.RU. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.gl5.ru/b/brutto/brutto.html> – Дата доступа: 18.05.2015.

4 Группа Brutto презентовала очередной революционный хит // Наша ніва [Электронный ресурс]. – 2015. – 6 янв. – Режим доступа: <http://nn.by/?c=ar&i=141748&lang=ru> – Дата доступа: 18.05.2015.